

Лёзов Игорь Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Международно-правового факультета Всероссийской Академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Евразийский юридический журнал. №1 (104), 2017. (ISSN – 2073-4506)

Генезис нормативизма в Советской России

Выдающийся английский неопозитивист Г. Харт в своей работе "Понятие права" утверждает, что "не многие вопросы, касающиеся человеческого общества, задавались с такой настойчивостью, а серьёзные мыслители отвечали на них столь различными, странными и даже парадоксальными способами, как это происходило с вопросом "Что есть право?" Важность этого вопроса не определяется лишь потребностью теории права в четких и логичных дефинициях. А предлагаемые обществу ответы способны изменить вектор в развитии таких социально-значимых институтов, как законотворческая деятельность и правоприменение, методика юридических исследований и степень их научности, стратегия юридического образования в стране и общественное правосознание.

К проблеме "Что есть право?" примыкает ещё несколько глобальных по своей сути вопросов: "Зачем нужно право?", "Каким должно быть право?", "Каким целям и принципам должна быть подчинена деятельность профессиональных юристов?"

И как показывает жизнь, на эти вопросы нет однозначных ответов, которые могли бы считаться удовлетворительными для всех народов и всех эпох. А наибольшую актуальность указанные вопросы приобретают в переломные для общества периоды истории.

Определение права как системы формально-определённых норм, санкционированных государственной властью и обеспеченных силой государственного принуждения, частью нашего юридического сообщества воспринимается как аксиома, частью критикуется. Но важно понять, что это определение имеет свою историю, что появилось оно не спонтанно, а вполне закономерно, что в нём нашли своё отражение цели и чаяния целой эпохи. Вопросу о том, когда и почему право в России стало пониматься именно таким образом, и будет посвящена эта статья.

Поиски периода "революционного романтизма"

Рубеж XIX и XX веков (то есть период, непосредственно предшествовавший революционным событиям в России) давно признан золотым веком отечественного

правоведения. Работы Н. С. Таганцева и Н. М. Коркунова, Г. Ф. Шершеневича и И. И. Янжула, И. Я. Фойницкого и А. И. Загоровского, а также многих других российских исследователей того времени сегодня воспринимаются как несомненная классика правовой мысли, как некий ориентир в области науки о праве. Многочисленные и многотиражные издания юридической литературы в эти годы, несомненно, свидетельствовали о её востребованности в обществе, в том числе и среди людей, не связанных напрямую профессионально с юридической деятельностью.

Научный поиск и творческий всплеск дореволюционной эпохи, разумеется, затронул не только сферу отраслевых дисциплин. Российские правоведы, социологи и государствоведы ставили перед собой и более абстрактные, более глубокие вопросы, уводившие их в сферу философского осмысления действительности, в том числе и самый базисный вопрос правоведения: вопрос о сущности и смысле права.

Даже самый поверхностный взгляд на массив теоретико-правовых исследований рубежа веков позволяет прийти к выводу о том, что в данный период времени отечественная философия права представляла собой территорию свободного творческого поиска, не воспринимавшую ни одну из выдвигавшихся концепций как наиболее верную и приемлемую. Многие теории правопонимания, нашедшие своё выражение в дореволюционной литературе, не теряют своей актуальности сегодня и, видимо, не потеряют её никогда.

Так, В. С. Соловьёв, рассматривавший право в контексте христианского миропонимания, определял его как «принудительное требование реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла», одновременно видя в нём «низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный».¹

Л. И. Петражицкий в учении об интуитивном праве предлагал рассматривать последнее как генерируемую индивидуальным или коллективным сознанием совокупность «императивно-атрибутивных эмоций», как внутренний долг, диктуемый совестью и определяемый «связанностью по отношению к другому», который закреплён нашим сознанием за этим другим «как его добро, как принадлежащий ему, заработанный или иначе приобретенный им актив».²

С. А. Муромцев, развивая социологическое направление в правопонимании, предлагал видеть в праве естественный результат жизнедеятельности больших и малых общественных групп, тем самым предвосхитив в общих чертах почти на 50 лет учение О. Эрлиха о социальных союзах.³

Многих сторонников и последователей в России находят в данный период идеи

---

¹ Соловьёв В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб. 1897. С. 26.

² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 1907. С. 46.

³ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879.

зарубежных исследователей. В начале XX века общественность с интересом изучает переводные работы Р. Иеринга, Г. Ф. Пухты, Ф. К. Савиньи, Л. Дюги.

Думается, что подобное разнообразие мнений о сущности права было связано с двумя очень важными процессами, происходившими в российском обществе. Один из них может быть охарактеризован как общий подъём отечественной культуры в целом. Ведь предшествовавший революционным событиям временной отрезок (в особенности, вторая половина XIX века) вошёл в историю России не только как эпоха расцвета правовой мысли, но и как несомненный пик в развитии отечественной литературы, живописи, музыки.

Другим социальным процессом, повлиявшим на столь бурные поиски правопонимания, стал ярко выраженный идеологический кризис, выразившийся в постепенной потере российским обществом (во всяком случае, большей его частью) христианских ценностей как основы миропонимания и мировоззрения. Фактическое отсутствие общественной идеологии вело к появлению новых концепций как в сфере философии, так и в сфере социальных наук, к которым относится правоведение.

Правоприменительная практика дореволюционного периода тоже не давала повода для возникновения общих подходов к правопониманию. Активное использование местных правовых обычаев при рассмотрении судебных споров в волостных судах, применение иностранного законодательства в ряде регионов страны, религиозные основы регулирования целого ряда частноправовых отношений – всё это создавало дополнительную почву для споров о сущности права.

Разразившийся революционный катаклизм, явившийся, во многом, прямым следствием упоминавшегося идеологического кризиса, резко сузил поле свободного философского и теоретического поиска в правоведении. Правовая мысль России после октября 1917 года становится всё более и более зависимой от конкретно-исторической ситуации и от нужд государственной власти в рамках этой ситуации. Иначе говоря, теория права вообще и теория правопонимания в частности в данный период становится инструментом в руках новой государственной власти, используемым для достижения целей, декларируемых ею в условиях живой динамики революционных событий.

Вопрос о том, каким должен быть новый взгляд на сущность права и, соответственно, как будет выглядеть это новое, постбуржуазное право, стал предметом серьёзных рассуждений уже в ноябре 1917 года в процессе разработки Декрета СНК РСФСР "О суде"⁴. Сложность заключалась в том, что решать этот вопрос авторам декрета пришлось во многом спонтанно, на основе своей собственной оценки сложившейся в стране ситуации и, по сути, без всякой опоры на идеологические

---

⁴ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

первоисточники марксизма. Дело в том, что даже общего осмысления указанных вопросов (не говоря уже о детальной проработке проблемы) в трудах основоположников марксизма не содержалось. Предметом философского осмысления в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, в основном, выступали вопросы социально-экономического развития общества и государственного строительства в период перехода от капитализма к коммунизму, но никак не проблемы права. В "Манифесте Коммунистической партии", являвшемся одним из важнейших ориентиров и "маяков" российской социал-демократии, мы находим лишь перечень первоочередных социальных изменений, которые, по мысли родоначальников марксизма, должна была принести с собой социалистическая пролетарская революция. Сюда, в частности, относились такие меры, как экспроприация земельной собственности, обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов, введение прогрессивного налогообложения, полная отмена наследования, государственная монополия в банковской сфере, всеобщая трудовая повинность, общественное воспитание детей и др. Эти планировавшиеся социальные изменения, разумеется, включали в себя и радикальное преобразование существовавших в условиях буржуазной формации правовых институтов, но ни Манифест, ни иные труды идеологов социалистической революции даже не давали ответа на вопрос о роли использования юридических инструментов в проведении указанных преобразований. Та же тенденция видна и в дореволюционных трудах лидера большевистской партии и, безусловно, её наиболее талантливого теоретика, В. И. Ленина. Глубоко анализируя право буржуазное и определяя его как возведённую в закон волю экономически господствующего класса, Ленин ничего не говорит о том, каким будет право социалистическое. Впрочем, в трудах Ленина уже ясно звучат мысли, касающиеся методики изменения общества в процессе революции. Размышляя над планами построения социалистического государства в апреле 1917 года, Ленин писал: "Надо строить демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действительным участием во всей государственной жизни, без надзора сверху, без чиновников"⁵. Именно эта ленинская идея, удивительным образом уловившая равным образом и осознанные, и подсознательные чаяния значительной части населения России, стала лейтмотивом формирования у советских юристов их собственных взглядов на новое, революционное, право осенью 1917 года.

Декрет "О суде", принятый Советом Народных Комиссаров РСФСР 22 ноября 1917 года, даёт нам важный и серьёзный материал не только для осмысления хода судебного строительства в первые месяцы существования советской власти, но и для отслеживания более важной составной части правовой системы - правопонимания. В статье 5 данного документа определялось, что "местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31.М., 1969. С. 274.

свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию". Декларируемый здесь перечень источников права, которые должны использоваться судьями при вынесении решения или приговора, будет впоследствии подтверждён в более развёрнутой формулировке в тексте Декрета "О суде" № 2, принятого ВЦИК РСФСР 15 февраля 1918 года⁶: "По гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими донныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давности или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном".

Уже через несколько дней после издания первого Декрета "О суде", 1 декабря 1917 года, в газете "Правда", центральном информационном издании большевистской партии, бала опубликована статья Луначарского "Революция и суд", главной целью которой стало теоретическое объяснение текста декрета и, в частности, обоснование той мысли, что основой деятельности нового суда должно стать правотворчество самих масс, вытекающее непосредственно из революционного правосознания. В статье подчеркивалась связь большевистского взгляда на право с психологической теорией права Л. И. Петражицкого, считавшей основным источником права личные эмоции индивида, носящие иррациональный характер, то есть представления и переживания по поводу справедливого и должного. Вскоре ту же самую идею в периодике выскажет П. И. Стучка, один из наиболее видных представителей советской правовой мысли рассматриваемого периода: "Школа кадетского лидера Петражицкого могла бы обрадоваться тому, что мы встали на её точку зрения об интуитивном праве, но мы глубоко расходимся с нею в обосновании этой точки зрения".⁷ Связь революционного права с теорией Петражицкого подчёркивал и М. А. Рейснер, который, по его собственным словам, и подсказал Луначарскому основные идеи упомянутой выше статьи. Чуть позже Рейснер, уже защищая Луначарского от необоснованных нападок со стороны коллег, напишет, что именно ему в ноябре 1917 года пришлось "во-первых, подтвердить необходимость ... организации революционной юстиции, а во-вторых, указать на то обстоятельство, что, согласно данным современной науки, революционное право уже есть и существует, несмотря на то, что никакое законодательство его ещё не закрепило. Это, как пояснил я товарищу Луначарскому, ...

---

⁶ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁷ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 10.

было интуитивное (или захватное) право наших революционных масс, которое в качестве классового права восставших, содержит в себе всю полноту надлежащего правосознания. Товарищу Луначарскому принадлежит большая заслуга, что он сумел провести эту идею при поддержке товарища Ленина".⁸ Ещё один видный советский теоретик права, Е. Б. Пашуканис, писал: "Когда в первые дни после Октябрьской революции мы стали перед необходимостью сломать старую судебную машину, то этот, чисто практический вопрос, немедленно же потребовал решения общей теоретической проблемы о соотношении закона и права. Чтобы выйти из этого затруднения, ... надо было иметь какую-то общую концепцию права, и она была предложена; к сожалению, это не была марксистская концепция права, но позаимствованное у Петражицкого психологическое учение об интуитивном праве".⁹

И Луначарский, и Стучка, оба принимавшие участие в разработке текста документа, недвусмысленно заявляли о том, что именно доктрина Петражицкого с некоторыми изменениями, продиктованными политической ситуацией, легла в основу правовой политики революционного правительства в первые месяцы советской власти. Основную мысль данной теории в ее конкретно-историческом проявлении можно выразить так: право является продуктом творчества и инструментом защиты интересов определенного класса. Поскольку все буржуазное право, а вместе с ним и старые методы законотворческой деятельности после победы социалистической революции подлежали ликвидации, новый массив общеобязательных правил поведения, по убеждению авторов Декрета, мог быть выработан только самими массами путем многократных проб и ошибок.

Несколько слов следует сказать и о том, как повлияли выраженные в Декретах о суде теоретические воззрения на практику судебного строительства и практику разрешения судебных дел.

В советской историко-правовой литературе долго господствовало мнение, что после принятия первого Декрета "О суде" процесс местного нормотворчества в области судостроительства и судопроизводства, начавшийся ещё в марте 1917 года, был если и не полностью приостановлен, то, по крайней мере, введен в нужное правительству русло. Некоторые исследователи, опираясь на единичные факты, пытались доказать, что революционное правосознание трудящихся, создававших судебные учреждения на местах, как правило, полностью соответствовало сознанию и воле представителей центральных законодательных органов. Декреты о Суде, по мысли этих авторов, закрепили ту судебную систему, которая в отдельных местностях уже была создана народом.

---

⁸ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.-Л., 1925. С. 22.

⁹ Пашуканис Е. Б. Марксистская теория права и строительство социализма. // Избранные произведения по общей теории права. М., 1980. С. 183.

Лишь немногие историки, занимавшиеся данной проблемой, вопреки традиционному взгляду, полагали, что принятие центром декретов о суде, практически никак не повлияло на ситуацию на местах в период с ноября 1917 по июнь 1918 года.

Например, Ю. Токарев в статье "Роль советов в судебном строительстве" отмечал, что Декрет о суде N1 был расценен на местах как документ, носящий исключительно рекомендательный характер.¹⁰ А Э. Н. Алешкина, анализируя в своём исследовании "Местное правотворчество в первые годы советской власти" реальное положение дел в отдельных регионах России в первые месяцы после Октября, приходит к выводу, что основная отличительная черта данного периода - это "почти неограниченная инициатива местных органов по изданию нормативных актов".¹¹

Именно последнее мнение представляется наиболее верным. Весьма показательным с этой точки зрения является суждение П. И. Стучки, писавшего о судебном строительстве зимой 1918 года: "Центральная власть в этом процессе непосредственного участия принимать не могла и ограничилась лишь общими директивами".

Анализ процесса судебного строительства на местах в данный период однозначно показывает, что в большинстве регионов, контролировавшихся и управлявшихся советами, судебные органы создавались без оглядки на декреты центра, на основании революционного правосознания местного руководства.

То же революционное правосознание воспринималось и в качестве основного источника права при рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел. Личная убежденность судьи в справедливости и целесообразности выносимого им решения в данный период явно превалирует над писаными нормами, как дореволюционного, так и советского законодательства, выраженного в актах ВЦИК и СНК РСФСР.

Нужно сказать, что подобная ситуация до определённого времени не только не вызывало возражений в правительстве, но, напротив, всячески им поощрялось.

Ленин писал: "Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством".¹² Тех же взглядов на революционное право придерживались и руководители Наркомюста РСФСР, считавшие, что закон в данный период был "инструкцией и общим руководством, совсем не связывавшим местное правотворчество в деятельности социалистических органов правосудия".¹³ Из этого высказывания видно, какую роль отводило правительство принимаемым им актам. Большинство Декретов и

---

¹⁰ Токарев Ю. С. Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917 - июнь 1918 гг.) // Проблемы государственного строительства в первые годы советской власти. Л., 1973.

¹¹ Алешкина Э. Н. Местное правотворчество в первые месяцы советской власти. Воронеж, 1977. С. 13.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1969. С. 56 - 57

¹³ Пролетарская революция и право. М., 1919. № 2. С. 40.

распоряжений, исходивших от высших органов власти, и в центре, и на местах расценивались совершенно одинаково - как акты, нуждающиеся в уточнении и доработке в соответствии со спецификой местных условий. И только в отдельных законодательных актах данного периода содержался прямой запрет местным советам принимать решения, противоречащие указанным в них нормам. К числу таких актов относятся, например, Декрет "О свободе совести, церковных и религиозных обществах", Постановление СНК "О ликвидации эвакуированных учреждений" и некоторые другие.

В советской историко-правовой литературе, начиная с 1940-х годов, проблема революционного правосознания как источника права звучала нечасто, а иногда и вообще обходилась стороной как явление временное и достаточно случайное, как одно из проявлений революционного романтизма, не прошедшее проверку временем. Вместе с тем, данная тема весьма интересна и актуальна именно в философско-правовом аспекте. Разрешение судебных споров на основе личного усмотрения судьи, руководствующегося в своей деятельности принципами справедливости и целесообразности, - явление в истории отнюдь не новое и не уникальное. Любой человек, знакомый с мировой историей и культурой, может в связи с этим вспомнить и царя Соломона, и судей Древнего Рима, и современных американских судей, активно использующих правосознание при создании прецедентных решений. Поэтому, само по себе правосознание как основа для вынесения судебного решения — это не грубая методологическая ошибка, и уж тем более не зло. Вся проблема здесь сводится к старому, хорошо известному вопросу: "А судьи кто?" В условиях революции создание качественного судебного корпуса, способного трезво смотреть на общественные интересы и общественные отношения, было задачей невыполнимой, а подмена здравого смысла идеологическими догмами становилось явлением повсеместным и естественным. Одной из таких догм, повлиявшей на развитие правовой системы России в первые годы существования советской власти, стала идея о превалировании классового сознания над сознанием индивидуальным. Убежденность в важности и значимости классовой принадлежности индивида приводила к нивелированию и даже отрицанию, например, таких социальных явлений, как воспитание, образование, духовность. Работа судьи, в связи с этим, низводилась на уровень простого ремесла, не требующего ни особых способностей, ни специальных знаний. К кандидату на должность судьи в данный период зачастую предъявлялось лишь одно требование - соответствующая (то есть пролетарская) классовая принадлежность. Так, в отчете о деятельности Владимирского губернского отдела юстиции за 1918 год мы читаем: "Новое судопроизводство отличается необыкновенной простотой, и опыт показал, что для народных судей вовсе не требуется глубоких юридических познаний, требуется лишь одно общее ознакомление с законодательством Советской власти и глубокая

преданность рабоче-крестьянскому правительству".¹⁴

Подобное отношение к правовой науке и юридическому образованию было характерно не только для отдельных губерний. 9 декабря 1918 года Народный Комиссариат Юстиции РСФСР официально заявил, что "для подготовки советских судей существование юридических факультетов при Университетах представляется совершенно излишним". Приравнивая юристов к любым другим советским работникам, НКЮ выразил убеждение, что "необходимые знания могут получаться ими в Академии общественных Наук и ее местных отделениях".¹⁵ К слову заметим, что программа обучения судей в упомянутой Академии была рассчитана на 80 академических часов (лекций), из которых вопросам судостроительства и судопроизводства отводилось всего 12 часов.

Неоправданное возвеличение роли революционного правосознания вкупе с весьма специфическим по составу судейским корпусом в рассматриваемый период привели к ряду негативных явлений. Во-первых, применение революционного правосознания в этих условиях закономерно приводило к вынесению различных приговоров за идентичные правонарушения, что вовсе не способствовало защите справедливости и формированию какого бы то ни было правопорядка. Нередки были случаи, когда революционный суд одного уезда приговаривал обвиняемого к смертной казни (например, за совершение кражи или за спекуляцию), а революционный суд соседнего уезда при наличии тех же самых обстоятельств выносил оправдательный приговор. Все зависело, в конечном итоге, от того, какой позиции придерживался судья, рассматривавший дело. Во-вторых, отсутствие каких бы то ни было рамок, ограничивающих судебный произвол, неизбежно открывало перед судьями широкие возможности по использованию возложенных на них полномочий в личных целях.

Следует сказать, что теоретическая идея основополагающей роли революционного правосознания в процессе формирования нового, советского права не ограничивалась только правосознанием судей и судебным процессом. Ещё большее значение отводилось в данный период правосознанию народных масс, организованных в советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Октябрьская революция передала в руки советов всю полноту государственной власти. На практике это означало в том числе и то, что советы всех уровней получили право, по сути, неограниченного законотворчества. В первые месяцы после революции местные советы активнейшим образом реализуют свою нормотворческую функцию, создавая самые различные формы нормативно-правовых актов от распоряжений и постановлений до уложений и кодексов. А центральное правительство в данный период

---

¹⁴ . Портнов В. П., Становление правосудия Советской России. М., 1990. С. 35.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 173. Л. 109.

относится весьма лояльно даже к самым диким проявлениям "правового творчества масс". Вот один из типичных примеров такой лояльности. В январе 1918 года революционный комитет города Ревеля принял решение об объявлении вне закона всех лиц бывшего дворянского сословия (мужчин – с 16 лет и женщин – с 18 лет). Это означало, что данные лица не подлежали судебной защите в том случае, если против них совершалось какое-либо преступление. Уголовное дело в подобных случаях по решению местной ревельской власти не должно было возбуждаться вовсе. Убийства, насилия, грабежи – все признавалось законным в случае, если указанные деяния совершались в отношении бывших дворян. Какой была позиция центра (в лице Совнаркома РСФСР) на такое вопиющее проявление революционного правосознания? Совнарком лишь осторожно рекомендовал "ревельским товарищам" воздержаться от подобных действий. Никаких прямых запретов из центра не последовало. Этот пример, как и многие другие, говорит о том, что борьба с произволом региональных советов и сельских сходок до середины 1918 года, в принципе, не входила в планы большевиков. Причина тому достаточна ясна. Как уже было сказано выше, руководство большевистской партии ещё в период подготовки революции обещало пролетарским массам "строить демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действенным участием во всей государственной жизни, без надзора сверху, без чиновников". Подобные лозунги, затрагивавшие сокровенные чаяния огромного числа людей, воспринимавших "волю" и "свободу" как независимость от любой навязанной власти, несомненно, повышали популярность партии и никак не могли быть отброшены в сторону сразу после октябрьских событий. И поэтому поддержка центром "местного законотворчества" во всех сферах была выгодна новому политическому руководству, делала его положение более устойчивым.

Таким образом, принятие советами различных уровней собственных уголовных и процессуальных кодексов не только не противоречило воле государства, но напротив, являлось одним из ее следствий. Местное законотворчество возникло как отклик на призыв центральной власти творить "рабоче-крестьянское право" и заглохло только в период гражданской войны после первых серьезных правительственных мероприятий, направленных на унификацию правовой системы.

Гражданская война не оказала кардинального влияния на правопонимание в стране, но значительно скорректировала позицию власти по многим вопросам, относящимся к организации правовой системы. Сформулированные в первые месяцы существования советской власти основы правопонимания, такие, как идеи о классовой сущности права, о необходимости создания нового пролетарского права и о творческой роли революционного правосознания масс остаются прежними. Однако, по мере приближения боевых действий к их кульминационной стадии, советское правительство всё больше начинает склоняться к мысли о необходимости централизации и унификации правовой системы, к мысли о том, что правовая система должна стать

одним из действенных инструментов борьбы с противником.

В мае 1918 года Ленин пишет: "Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера. А сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового прогресса".¹⁶ Отмечая необходимость централизации государственного аппарата в новых исторических условиях, Ленин неоднократно подчеркивает, что "в настоящий момент на очередь выдвигаются задачи строжайше отделить дискуссии и митингование от беспрекословного исполнения всех предписаний руководителя".¹⁷

Одним из знаковых событий лета и осени 1918 года является масштабное свёртывание процесса местного законотворчества. Местные кодексы и декреты, принимавшиеся ранее на основе революционного правосознания представителей местной власти и превращавшие правую систему страны в лоскутное одеяло, лишённое какого бы то ни было единообразия, признавались нецелесообразным явлением. Действие их отменяется в той части, в которой данные документы противоречили нормативным актам центра. В то же время ВЦИК РСФСР обязует местные советы регулярно и незамедлительно публиковать в своих печатных изданиях все нормативные акты центра, чтобы избежать в последствии ссылок на незнание этих норм в оправдание произвола. Наряду с этим происходит полномасштабная ликвидация местных революционных судов, созданных ранее на основе местных законов и всё того же революционного правосознания масс. Буквально за два месяца целенаправленной работы указанные выше меры приносят свой результат. И местное законотворчество, и местное самочинное судебное строительство к июлю 1918 года на территориях, контролируемых советской властью, по сути, сходят на нет и становятся достоянием истории.

В ноябре 1918 года в Положении о народном суде РСФСР значительно меняется структура и иерархия источников советского права.¹⁸ Статья 22 Положения закрепляла норму, в соответствии с которой народный суд имел право применять лишь Декреты советского правительства, а в случае отсутствия соответствующего Декрета, руководствоваться социалистическим правосознанием. Примечание к данной статье запрещало любые ссылки в приговорах и решениях суда на законы свергнутых правительств.

Таким образом, Положение о народном суде делало существенный шаг в

---

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 36. С. 200.

¹⁷ Там же.. С. 158.

¹⁸ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

сторону материально-правового метода регулирования общественных отношений, отводя правосознанию роль восполнителя пробелов в законодательстве. Тем не менее роль эта по-прежнему оставалась весьма и весьма существенной, в первую очередь, по причине недостатка законодательных актов. Не углубляясь в данную тему, напомним лишь о том, что до 1922 года правовая система советской России жила без нормативно-правового акта, который содержал бы в себе описание составов уголовно-наказуемых деяний. Вопрос о преступности того или иного деяния, равно как и вопрос о мере наказания за него, определялся судьями на основе их революционного правосознания. В исследованиях советских авторов содержатся интересные примеры того, как в период гражданской войны отдельные суды выносили оправдательные приговоры вора́м, ссылаясь в обоснование своих решений на то, что марксистская идеология и советская власть относятся негативно к институту частной собственности, а стало быть, данный институт не может защищаться государством в уголовно-правовом порядке. Такое положение вещей нередко вызывало критику со стороны отдельных правоведов. Так, например, по мнению Д. И. Курского "отсутствие законов в целых областях жизни и, в частности, отсутствие законов уголовных на место отмененных, и провозглашение источником уголовного права одного только свободного судейского усмотрения, создает весьма ненормальное положение, ибо оно крайне затрудняет борьбу с преступностью".¹⁹ Однако фактическое влияние революционного правосознания судей на жизнедеятельность правовой системы Советской России сохранялось до начала 1920-х годов.

Возвращаясь непосредственно к теме правопонимания, отметим, что именно в период гражданской войны, в декабре 1919 года была сделана первая в советской истории попытка закрепления определения права в официальном документе. Таким актом стало Постановление Наркомюста РСФСР "Руководящие начала по уголовному праву"²⁰, разработанное коллегией данного комиссариата под непосредственным управлением П. И. Стучки. В этом документе право определялось как "система (порядок) общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой". В преамбуле постановления подробно говорилось о причинах его принятия: "Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, всё буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду

---

¹⁹ Материалы НКЮ. М., 1920. Вып. 8. С. 7.

²⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 - 1952. М., 1953. С. 57.

господствующим классам (буржуазии и помещиков). ... Без особых правил, без кодексов вооружённый народ справлялся и справляется со своими угнетателями. ... Почти два года борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть".

В "Руководящих началах" нашли своё отражение не только личные взгляды П. И. Стучки. Можно сказать, что приведённые из данного документа цитаты показывают общее для большинства советских теоретиков рассматриваемого периода далёкое от нормативизма понимание сущности права. Изменяться эти взгляды начнут уже после окончания гражданской войны в связи с возникновением новой политической ситуации и, соответственно, новых задач, вставших перед государством.

Интересно, что многие современные исследователи, описывая правовую действительность данного периода в Советской России, определяют её как "правовой нигилизм". Например, этот термин активно использует в своих работах один из самых авторитетных американских историков Юджин Хаски.²¹ Вряд ли можно полностью согласиться с подобной терминологией. Правовой нигилизм как явление, безусловно, присутствовал в народных массах в первые годы существования советской власти (как, собственно, присутствует он и сегодня). Но теоретические и философские поиски сущности и смысла права, проводившиеся в этот период, вряд ли заслуживают подобного отношения. Выведение вопроса о сущностном разграничении понятий "закон" и "право" на уровень открытой публичной дискуссии, как думается с позиций сегодняшнего дня, заслуживает если не уважения, то, по крайней мере, понимания.

"Нэповская" законность

В марте 1921 года на X съезде партии Лениным были провозглашены основные принципы новой экономической политики, предполагавшей частичное внедрение рыночных отношений в хозяйственную систему Советской России. Это событие оказало большое влияние на дальнейшее развитие отечественного права. Нэп был вынужденной и временной мерой, к которой правительство обратилось по ряду причин. В целом все они сводились к тому, что проведение без изменений прежнего курса государственной политики не только не могло привести к достижению конечной цели революции - построению социализма, но и способно было вызвать большие потрясения, грозящие новой гражданской войной и переделом власти.

Вхождение в нэп ставило перед советским государством ряд задач, решение

---

²¹ См. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993.

которых мыслилось лишь с помощью законодательства. К этим задачам можно отнести налаживание гражданского оборота, обеспечение правовых гарантий предпринимательской деятельности, предоставление гражданам личных гарантий от произвола со стороны государственных органов и от посягательств со стороны преступного мира. Развитие товарно-денежных отношений требовало отмены ограничений денежного обращения. Перевод предприятий на хозрасчет предполагал выделение хозяйственных комплексов из общей массы государственного имущества и признания за ними известной самостоятельности. Наконец, потенциальные западные инвесторы готовы были вкладывать свои капиталы в российскую экономику лишь при условии: стабилизации правоприменительной практики на основе принципа законности.

Советское законодательство в период перехода к нэпу всё настойчивее занимает место основного источника права, практически вытесняя из отечественной правовой системы феномен "революционного правосознания судей". Такое положение вещей по-разному воспринимается ведущими советскими правоведами. Некоторые из них меняют свои взгляды под воздействием новых исторических реалий. Так, например, народный комиссар юстиции РСФСР Д. И. Курский, писавший в 1919 году, что "перед наукой современного уголовного права лежит трудная, но исключительно интересная задача: наметить общие основы уголовного права, фиксировать внимание народного суда на этих основах, не нарушая свободы правотворчества самого суда"²², после перехода советского государства к новой экономической политике не только отстаивает в Наркомюсте идею необходимости создания писаного уголовного кодекса, но и становится одним из основных его создателей.

Другие авторы, пытаются с учётом новых экономических и политических реалий детализировать и уточнить свои правовые идеи, родившиеся в более ранние исторические периоды.

Одной из наиболее интересных попыток систематизации теоретических разработок в области права в годы нэпа следует признать работу М. А. Рейснера "Право. Наше право. Чужое право. Общее право", вышедшую в свет в 1925 году.

Концепция профессора Рейснера, одного из активных участников процесса создания первой советской Конституции, развивавшая идею классовой сущности права, исходила из утверждения, что каждому конкретному классу, существующему в рамках общества, присуще его собственное интуитивное право, целиком базирующееся на классовом правосознании, которое в той или иной мере может приобретать форму закреплённых в законодательстве норм. При этом классовая структура общества понимается автором как результат длительного исторического процесса. Размышляя об истоках права, Рейснер находит их ещё в догосударственном обществе (так называемое

---

²² Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 2.

"родовое право"). И только позже, с появлением классов и государства, право становится категорией исключительно классовой. Используя и развивая идею Р. Иеринга о праве, возникающем в борьбе с целью достижения мира, Рейснер пишет о том, что законодательное закрепление любого классового права есть результат классовой борьбы на определенном её этапе. Отсюда автором делается вывод о неоднородности всех правовых систем, существовавших в истории, о том, что "никакая юридическая система не может по существу представлять собой единой целостной классовой системы. Она всегда отличается пестротой и лоскутностью". Так, например, в феодальном обществе далеко не все нормы писаного права защищают интересы землевладельцев, а в условиях буржуазного строя пролетариат "несёт с собой своё собственное право, так или иначе вкрапливает его в буржуазные кодексы"²³. В качестве иллюстраций "пролетарского права" в буржуазной среде Рейснер указывает нормы об ограничении рабочего времени, о праве на стачку, о коллективных договорах между фабрикантом и рабочими. "Вся система права, с этой точки зрения, есть компромисс, образованный из идеологических обрывков самых различных классовых идей, есть пёстрая ткань, которая создана на основе правовых требований и воззрений самых различных общественных классов. ... Исторически мы почти не можем найти примера правового кодекса, конституции или крупного законоположения, где, как в геологическом разрезе, мы не могли бы проследить отдельных наслоений такого юридического компромисса".²⁴

Рассуждая о революционном периоде отечественной истории, Рейснер пишет о том, что и здесь в праве ясно видна та самая "лоскутность". Так, пролетариат приходит в революцию со своим видением нового, справедливого решения вопроса о власти, выразившемся в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а позже - в Конституции РСФСР. "Подобно пролетариату, и крестьяне пришли в революцию со своим крестьянским правом".²⁵ Это право, по мысли автора, содержит набор требований о справедливом землеустройстве, которые "впоследствии и были воплощены в первом земельном кодексе".²⁶ Что касается буржуазного права, базирующегося на буржуазном классовом сознании, в первые годы революции оно устраняется последовательно и бескомпромиссно, что проявилось и в ликвидации частной собственности, и в полном устранении буржуазии от управления государством.

Бескомпромиссный характер классовых взаимоотношений между правящим большинством (пролетариатом и крестьянством) с одной стороны и бывшими эксплуататорами (буржуазией) с другой, характерный для периода "военного

---

²³ Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.-Л., 1925. С. 184.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 215.

²⁶ Там же.

коммунизма", меняется с началом нэпа. Использование советской властью рыночных механизмов для выхода из экономического кризиса, по мнению Рейснера, открыло для буржуазного права возможность заявить свои претензии на место в правовой системе России. А принятие в 1922 году Гражданского кодекса РСФСР явилось очевидным воплощением буржуазного права в советском законодательстве.

Вообще кодификация 1920-х годов и связанные с нею нормативистские тенденции в правопонимании вызывают у Рейснера искреннюю обеспокоенность: "В настоящее время при наличии новой экономической политики и замедления мировой революции, я склонен стать на противоположную точку зрения. Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры". Писаное право, согласно Рейснеру, в силу его потенциальной фетишизации в умах людей, "если не "опиум для народа", то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном - всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки".²⁷ "А между тем сейчас мы предаёмся такой страсти к юридизации, которая во многом напоминает ... картину деятельности буржуазных юристов. ... Мы положительно тонем в море законотворчества и бумажного правотворчества".²⁸

Писаное право, по мнению Рейснера, "обладает громадной силой косности и устойчивости",²⁹ что создаёт опасность для революции, поскольку закреплённые в ГК РСФСР элементы "буржуазного права", будучи со временем фетишизированы общественным сознанием, могут приобрести характер привычных, традиционных правил жизни и тем самым стать тормозом начавшихся в 1917 году социальных преобразований.

Таким образом, право "может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости, даёт простор буржуазному праву а объёме, который может нанести серьёзный ущерб пролетарскому интересу и этим или замедлит ход вставания в коммунистическое общество или сделает необходимой новую революцию для освобождения пролетариата от незаметно вьевшихся буржуазных сетей".³⁰

В заключение своей книги, давая определение советскому праву в текущий исторический период, Рейснер пишет, что оно представляет собой "сложный правопорядок, в состав которого входят крупные отрезки социалистического права рабочего класса и его классовое пролетарское право. Таково господствующее

---

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 223.

³⁰ Там же. С. 224.

положение пролетарского права в силу диктатуры пролетариата. Следующее место занимает классовое крестьянское право, воплощённое в земельном кодексе с его преобладанием коллективной собственности. Лишь на третьем месте стоит классовое право буржуазии с её гражданским кодексом в рамках торгового оборота".³¹

Похожие взгляды звучат в период нэпа и в статьях П. И. Стучки. "Все общественные институты без исключения, - пишет он, - ... являются не чем иным, как классовым институтом. ... Но в эпоху классовой борьбы закон о фабричной инспекции..., закон о 8-часовом рабочем дне, - разве ... это норма, охраняющая интересы господствующего класса? ... Но она есть результат классовой борьбы и, как таковая, выражена в праве. В классовом обществе в результате классовой борьбы эти нормы являются той средней линией, водоразделом, на которой остановилась эта борьба в данной её стадии, как она нашла выражение в писаной норме. Ни её классовый характер, ни её классовое происхождение, ни в коей мере от этого не теряют. Мало того: пусть вынужденная, пусть вырванная силой, эта норма имеет всё же своей целью в конечном счёте сохранение данного социального порядка, его дальнейшее бесперебойное функционирование и, как таковая, охраняет интересы господствующего в данном обществе класса".³²

С точки зрения Стучки, право - совокупность сложившихся в обществе отношений. Часть этих отношений может быть выражена в нормах закона, другая часть может не нуждаться в таком закреплении и продолжает жить в виде обычаев, традиций, привычек, а некоторые из них могут даже не осознаваться людьми и существовать "в глубинах подсознательной жизни". При этом норма закона может противоречить реально сложившимся общественным отношениям. Закон может отставать от реальной жизни, равным образом, как он может и опережать её. Но для понимания сущности права реальные отношения, по мнению автора, являются решающими, а остальное, то есть то, что написано в законе, не имеет такого решающего значения.

Более нормативистские ноты звучат в рассуждениях Н. В. Крыленко.

В лекциях, прочитанных в 1924 году на курсах работников уездных комитетов партии большевиков, Крыленко утверждает, что сама совокупность отношений ещё не является правом. Многие из этих отношений в классовом обществе носят лишь характер "правопритязаний" и лишь потенциально могут стать правом. Но для этого им необходима опора на принудительную силу. "Вот почему надлежало бы сказать, что право есть не система общественных отношений, а лишь отражение в писаной или неписаной форме общественных отношений людей друг к другу, опирающихся на принуждение, возникающих, развивающихся и изменяющихся в результате изменения

---

³¹ Там же. С. 244.

³² Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей. М., 1931.

производственных отношений".³³ Отвечая на вопрос о сущности права, Крыленко пишет, что состоит оно "ни в чём ином, как в системе норм, имеющих своей задачей оправдать или охранить, или сначала охранить, а потом оправдать существующий правопорядок. Охранить его при помощи полиции, тюрем и войск, а оправдать при помощи университетов".³⁴

Говоря об исторических перспективах такого права, Крыленко подчёркивает его временный характер. "Право исчезнет, - пишет он, - ибо исчезнет принуждение. ... Если вы спрашиваете, что же останется, - общественные отношения останутся, но не право. Они переживут эволюцию, альтруистические моменты, может быть, будут сильнее, чем эгоистические. Может быть. Но не нужно смешивать этих вещей с правом".³⁵

Ещё одна попытка привести в стройную систему результаты пятилетних теоретических поисков в сфере правопонимания была предпринята в данный период Е. Б. Пашуканисом. С своей книге "Общая теория права и марксизм", опираясь на труды К. Маркса в области экономической и политической теории, Пашуканис вслед за авторами "Руководящих начал" определяет право не как систему формально закреплённых норм, а как систему юридических отношений в обществе.

"Юридическое отношение, - утверждает он, — это первичная клеточка правовой ткани, и только в ней право совершает свое реальное движение. Право, как совокупность норм наряду с этим есть не более как безжизненная абстракция".³⁶

Нормативизм, с точки зрения Пашуканиса, лишён и жизненной силы, и практической значимости: "Прежде всего, нужно отметить, и в этом сами юристы достаточно часто убеждали друг друга, что совокупность норм, записанных или незаписанных, сама по себе скорее относится к области литературного творчества. Реальное значение эта совокупность норм получает только благодаря тем отношениям, которые мыслятся возникающими и действительно возникают сообразно этим правилам".³⁷

По глубокому убеждению, Пашуканиса, правовая наука имеет общественную значимость и ценность лишь тогда, когда она занимается не абстракциями, а реальной жизнью социума. Исходя из этой аксиомы, Пашуканис чётко разграничивает понятия "право" и "закон". "Если известные отношения действительно сложились, - пишет он, — значит, создано соответствующее право, если же был только издан закон или декрет, но соответствующих отношений на практике не возникло, значит, была попытка

---

³³ Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве. М. 1924. С. 25.

³⁴ Там же. С. 31

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1924. // Хрестоматия по истории политических и правовых учений. (сост. Лёзов И. Л., Огнева Ю. В.) М., Изд. ВАВТ, 2012. С. 142.

³⁷ Там же.

создать право, но эта попытка не удалась".³⁸

Рассуждая о возникновении права, Пашуканис видит исторические корни этого явления в возникновении меновой стоимости и в желании товарладельцев регулировать возникающие ними споры не с помощью силы, а с помощью установленных правил. "Право исторически начиналось со спора, т.е. с иска, и лишь затем охватывало предшествующие чисто экономические или фактические отношения, которые, таким образом, уже с самого начала приобретали двойственный аспект — экономическо-юридический. Догматическая юриспруденция забывает об этой последовательности и начинает сразу с готового результата, с абстрактных норм, которыми государство, так сказать, наполняет все пространство, наделяя юридическими качествами все совершающиеся в нем действия".³⁹

Правопорядок, по мнению Пашуканиса, "именно тем и отличается от всякого иного социального порядка, что он рассчитан на частных обособленных субъектов. Норма права получает свою *differentia specifica*, выделяющую ее из общей массы регулирующих правил — нравственных, эстетических, утилитарных и т. д., именно тем, что он предполагает лицо, наделяемое правом и при этом активно притязующее".⁴⁰

И всё же практика модернизации правовой системы в годы новой экономической политики неизбежно идёт по пути расширения объёма нормативно-правового материала. Время нэпа становится периодом масштабной кодификации, периодом восполнения всех существовавших ранее пробелов в законодательстве. Экономические и политические реалии приводят к тому, что, в отличие от теории, на практике право начинает пониматься не в социологическом, а, скорее, в чисто нормативистском смысле.

Постепенное утверждение в советском государстве принципа законности естественно приводит и к пересмотру взглядов правительства на феномен революционного правосознания.

И если в условиях "военного коммунизма" проблема места и роли революционного правосознания могла быть поводом для разнообразных теоретических споров, переход к новой экономической политике моментально перенес ее в новую, практическую, плоскость, так как без однозначного ответа на вопрос: будет или нет в России единообразная, устойчивая правоприменительная практика, государство не могло рассчитывать всерьез на реализацию планов по выходу из кризиса.

Данный вопрос был вынесен Наркомюстом на рассмотрение губернских Съездов и Совещаний деятелей советской юстиции, проходивших в декабре 1921 - январе 1922 г., цель которых, главным образом, состояла в формулировании мнений мест по поводу

---

³⁸ Там же. С. 144.

³⁹ Там же. С. 147.

⁴⁰ Там же. С. 148.

основных мероприятий предполагаемой правовой реформы.

Общую позицию подавляющего числа губерний можно выразить следующим образом: основным руководством в деятельности судьи должна стать закреплённая в писаных нормативных актах воля государства; нарушение же буквы закона должно вести к отстранению судьи от должности с применением к нему юридических санкций.

"Ввиду того, - заявлялось в решении Совещания работников юстиции Череповецкой губернии, - что при новой экономической политике оплотом государственной жизни должна быть строгая законность, признать недостаточным внутреннее правосознание суда как основную правовую базу для назначения меры наказания".⁴¹ Ещё большую роль, по мнению Пензенских судей, правильное решение данной проблемы будет играть в отношении регулирования нарождавшихся гражданско-правовых отношений. "Если нет уверенности, - говорится в их постановлении, - что закон для всех обязателен, если суду мало верят, а против некоторых административных органов власти он бессилён, то никакая частнохозяйственная деятельность невозможна. Физическим и юридическим лицам нужны гарантии, без которых они не возьмут в аренду ни одного завода, не примут ни одной концессии, связанной с крупными затратами".⁴²

Позиция мест по поводу руководящих основ деятельности судебной системы вскоре была одобрена центром. IV Всероссийский Съезд деятелей юстиции определил, что именно закон должен быть основным источником права. Выступая на этом Съезде, М. И. Калинин, выражая точку зрения партии по поводу необходимости серьёзных изменений в правовой сфере, сказал: "До настоящего момента существовал только один подход к праву: что бы ни стояло на пути укрепления советской власти, оно должно было быть уничтожено. Но теперь времена изменились. Нашей великой задачей является сделать так, чтобы народ почитал закон".⁴³ Перед юристами ставилась задача технического усовершенствования законодательства, поднятия его на новый, более высокий уровень.

Таким образом, можно сказать, что с 1922 года революционное правосознание практически перестаёт играть прежнюю роль одного из важнейших источников права. Единственная возможность применения этого источника в период нэпа регламентировалась статьёй 4 Гражданско-Процессуального кодекса РСФСР. Смысл данной статьи сводился к тому, что суд, столкнувшись в ходе рассмотрения гражданского спора с явным пробелом в законодательстве, имел право решить вопрос на основании собственного правосознания. Как видим из приведённой выше нормы, использование революционного правосознания судей теперь не могло выходить за

---

⁴¹ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 18. Л. 194.

⁴² ГА РФ. Ф. 353. Оп. 5. Д. 17. Л. 157.

⁴³ IV Всероссийский Съезд деятелей советской юстиции. М., 1922. С. 95.

рамки гражданского процесса, а учитывая бурный процесс законотворчества в 1920-е годы, вообще теряло свою практическую значимость.

Пересмотр системы источников советского права заставил руководство Наркомюста изменить взгляд на процесс подготовки юристов.

Проведение в жизнь судебной реформы потребовало быстрого решительного перехода в данной сфере от слов к делу, потребовало мер общегосударственного характера, способных сдвинуть с мертвой точки кадровую проблему.

22 декабря 1922 года СНК РСФСР принимает Декрет «Об открытии юридических курсов на местах», основные положения которого заключались в увеличении по сравнению с предыдущим периодом срока обучения судей и включении в программу новых предметов. В 1923 году новые учебные заведения действовали уже практически во всех губерниях России.

Вот несколько примеров, дающих общее представление о характере тех изменений, которые произошли в системе юридического образования в годы нэпа. В соответствии с проектом, разработанным Забайкальской губернской прокуратурой, в губернии в данный период действовали шестимесячные юридические курсы. Занятия в них проводились ежедневно, по вечерам, без отрыва от службы. Общая продолжительность занятий, таким образом, возросла, по сравнению с прошлыми годами в 5 - 6 раз. Основная цель курсов, по словам их руководителя, заключалась в том, чтобы "дать слушателям не только чисто академическое образование, а снабдить лиц, желающих работать в судах, запасом, главным образом, практических знаний".⁴⁴

В мае 1923 года четырехмесячные юридические курсы открылись в Рязани. В программу обучения были введены новые предметы: гражданское и торговое право.

16 января 1923 года в Москве начали свою работу Высшие юридические курсы со статусом высшего учебного заведения, слушателями которых, как правило, являлись лица, проработавшие в судах не менее двух лет. Обучения на курсах длилось в течение года и охватывало собой широкий спектр юридических дисциплин.

В 1924 году ЦК ВКП(б) организовал комиссию по пересмотру вопроса о факультетах общественных наук при Университетах. В результате ее деятельности было принято решение о создании дифференцированных факультетов по гуманитарным дисциплинам. Уже с июня 1925 года начал свою работу факультет советского права при 1-ом МГУ. А в октябре 1925 года коллегия НКЮ признает целесообразным открытие факультета советского права в Ленинградском Университете.

Говоря о "нэповской законности", следует сказать и о такой особенности этого явления, как избирательный характер её действия. Воспринимавшаяся властью как "инструмент для проведения нэпа", законность всякий раз отвергалась в тех ситуациях,

---

⁴⁴ Еженедельник советской юстиции. М., 1923. № 15. С. 340.

когда использование норм могло идти вразрез с целями проводившейся политики.

В связи с этим, "злоупотребление правом" в данный период обычно понималось не иначе как "злоупотребление нэпом". Концентрированное выражение такого понимания нашло своё закрепление в 1-ой статье Гражданского Кодекса РСФСР, провозглашавшей, что "гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением".

Одним из наиболее ярких примеров осуществления права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением считалась посредническая деятельность. В первую очередь, речь шла о торговом посредничестве, которое, провоцируя взвинчивание цен на товары, затрагивало интересы широких трудящихся масс и никак не способствовало решению задач, стоявших перед государством.

В этой связи правительством был принят ряд нормативных актов, ставивших заслон подобного рода злоупотреблениям. Важнейшим из них было Постановление СНК "О мерах к урегулированию торговых операций госучреждений и госпредприятий" от 2 января 1923 года, в котором устанавливался следующий принцип: госорганы и госпредприятия имеют право торговать лишь предметами своего производства, либо теми предметами, торговля которыми предусмотрена их уставами.⁴⁵

Ряд арбитражных комиссий, столкнувшись с проблемой проведения данного решения в жизнь, пошли в вопросе о защите государственных интересов даже дальше законодателя, признав, в частности, что, в случае совершения посреднических операций, единственно приемлемым их последствием может быть лишь отказ от реституции, то есть перечисление всего обогащения, полученного обеими сторонами по сделке, в доход государства.

Такой подход арбитражной комиссии руководителями советской юстиции признавался совершенно верным, поскольку "торговля ради торговли", и "нажива ради наживы", по их мнению, не только коренным образом противоречили основным началам нэпа, но и вносили значительный элемент морального разложения в само общество.

Не менее жестко относятся в данный период суды и к появившейся практике заключения преддоговорных соглашений, предметом которых, как правило, являлась недвижимость. Практика свидетельствовала, что подобного рода сделки почти всегда обуславливались желанием одного из контрагентов перепродать строение, не перенося на себя права собственности, а, значит, и не неся расходов нотариального характера. Таким образом, мотивом "запродажных записей", как именовались эти сделки в юридической литературе, признавалась все та же "нажива ради наживы" в

---

⁴⁵ Рабочий суд . Пг. 1924. № 21-22. С.679.

обход интересов государства.

Пленум Верховного Суда РСФСР, подтверждая избранный вектор законности, в феврале 1924 года издал постановление, в соответствии с которым распространительное толкование гражданских прав, предоставляемых ГК, допускалось исключительно в случаях, когда этого требовала "охрана интересов государства и трудящихся масс".⁴⁶

А местные суды зачастую прибегали в своих правоприменительных актах к ссылке на статью 1 Гражданского кодекса, просто перестраховываясь или не находя иного решения из-за весьма поверхностного знания советского законодательства.

В такой специфической избирательной форме "нэповская законность" и "нэповский нормативизм", рассматриваемые государственной властью исключительно в качестве инструментария для решения насущных экономических и политических проблем, утверждаются в практике правоприменения и, по сути, начинают определять правовую идеологию общества.

Утверждение нормативизма.

Свёртывание нэпа, начавшееся в 1926 году, многими ведущими советскими правоведами было воспринято как сигнал к возвращению на старые, революционные, рельсы правовой политики, воспринимавшей закон как инструктивное приложение к классовому правосознанию каждого конкретного судьи. Такое понимание привело к бурной дискуссии о сущности права и о путях дальнейшего реформирования советской правовой системы, вылившейся на страницы книг и периодических изданий.

"После периода бури и натиска ... (1917 - 1922 гг.), после периода создания кодексов ... (1922 - 1927), мы вступаем в третий период, - отмечал в статье с кричащим названием "Пора!" Н. В. Крыленко, - в период основной проработки и проверки начал этих кодексов с точки зрения их действительного соответствия принципам марксистского понимания права и задачам практического строительства социализма".⁴⁷ Основные предложения Крыленко, обозначенные в данной статье, сводились к освобождению судей от связывающего их деятельность нормативно-правового материала, что означало планомерное возвращение к интуитивному пониманию права. "Фетишизм буквы, способный только родить мертвечину, ... должен быть изжит полностью!"⁴⁸ - эти слова достаточно ясно свидетельствуют о том, что и сам принцип законности, и построенная на его основе в 1920-е годы правовая система воспринимались Н. В. Крыленко как временные средства для достижения конкретных

---

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 10. Д.1. Л. 12.

⁴⁷ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 43. С. 1332.

⁴⁸ Там же. С. 1333.

целей, которые могли быть немедленно отброшены в момент достижения этих целей.

Трехчленное деление истории советского права наряду с Крыленко проводил в своих работах данного периода и Д. И. Курский. "Неписаное право военного коммунизма, - писал он, - мы заменили проработанными нами в условиях и на основе новой экономической политики кодексами".⁴⁹ Отход же от новой экономической политики означал, по мнению Курского, начало нового этапа в правовой политике, в котором уже не было места этим кодексам.

Мнение Крыленко о необходимости отказа от "буржуазного" понимания права как системы установленных государством "сверху" формально-определенных норм с энтузиазмом воспринималось определенной частью деятелей юстиции на местах. Основная аргументация последних при этом, практически дословно повторяя протоколы судебных собраний 1918 года, сводилось к тому, что правосудие должно быть свободно от уз закона, а судьями должны становиться "рабочие от станка, не искушенные в юридических тонкостях".⁵⁰ Вряд ли было бы правильным заподозрить всех судей, стоявших во второй половине 1920-х годов на подобных позициях, в личной нечистоплотности, в стремлении к достижению личных корыстных целей путем возвращения правового хаоса первых месяцев революции. Сама идея интуитивного права являлась весьма привлекательной, особенно для людей, далеких от адекватного понимания происходивших в данный период в обществе процессов.

Более взвешенная позиция звучит в данный период в трудах П. И. Стучки. Многократно выступая на страницах юридической печати, Стучка высказывался за серьезное изменение системы советского законодательства, и, в первую очередь, законодательства гражданского. "Мы стоим, - говорил он, - перед выработкой нового Гражданского Кодекса и уже вырабатываем общесоюзные начала его. Тут борьба предстоит еще серьезная, ибо гражданское право - это, в известной степени, последнее прибежище для буржуазной правовой мысли".⁵¹ Вместе с тем, в высказываниях Стучки нет утверждений о необходимости искоренения самого принципа законности: "Для нас ясна глубокая разница между законностью буржуазной и законностью эпохи военного коммунизма, когда Декреты, говоря словами Ленина, лишь служили формой пропаганды: "вот как нам бы хотелось, чтобы государство управлялось, вот Декрет, попробуйте". Но эта полоса прошла. Что представляет на деле наш новый закон? Это определенные и конкретные рамки действия, известное самоограничение со стороны власти".⁵² Таким образом, Стучка с формальной (но не с содержательной) стороны видел преемство между "новым советским законом" и "старым буржуазным кодексом".

---

⁴⁹ Там же. С. 1329.

⁵⁰ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 50. С. 1561

⁵¹ Революция права. М., 1929. № 2, С. 9

⁵² Революция права. М., 1927. № 1. С. 13-14

Более того, споря с теми из своих коллег, которые отвергали всякую возможность подобного преемства, Стучка повторял мысль Маркса о том, что "если два класса делают одно и то же - это не одно и то же", давая тем самым понять своим оппонентам, что социализм, изменяя содержание и классовую направленность права, вовсе не диктует необходимости слома всех правовых форм, выработанных человечеством. Исходя из этого, Стучка настаивал на сохранении как самой судебной системы, созданной в период нэпа, так и на особо важной роли принципа законности в деятельности судов.

Черты новой стадии развития советского права Стучка видел в планомерном проведении трех мероприятий: а) ограничении стихийной рецепции старых буржуазных кодексов, б) кодификации действующего права "с преданием забвению Декретов периода военного коммунизма" и в) "упрощении законов, отнюдь не означаящем их количественное сокращение".⁵³

Полемизируя со Стучкой в вопросе о подчинении судей единообразному законодательству, Крыленко призывал к признанию основным принципом функционирования суда принцип революционной целесообразности и к освобождению судов от всяческих процессуальных формальностей. "Ничего ужасного, например, не было бы, - писал он, - если бы мы сказали, что в Тульской губернии нужно ввести одну подсудность, а в Рязанской - другую".⁵⁴

Радикальные идеи Крыленко о реформировании системы советского правосудия нашли свое отражение не только в теории, но и в нормотворческой деятельности. В 1927 году под его руководством в НКЮ идет подготовка проекта нового Уголовно-Процессуального Кодекса. Главной особенностью этого документа было то, что, по мысли его авторов, он должен был содержать в себе чуть более восьмидесяти статей. Однако и в таком виде Кодекс представлялся Крыленко чересчур раздутым: "Нашим судам должны быть даны основные начала, основные принципы, которые бы они знали, как руководящие нормы процесса. Идеалом было бы сведение их к 32 статьям".⁵⁵

Помимо нескольких десятков основных статей УПК, по замыслу членов коллегии Наркомюста, предполагалось принятие нескольких сот так называемых "наказных статей", которые были бы обязательны для судей, но, не обладая статусом закона, могли бы изменяться самим НКЮ "по мере накопления опыта".

На развитие правовой науки в данный период серьезное влияние оказывала также идея о скором исчезновении советского государства, которая находила теоретическое обоснование, в первую очередь, в работах Н. И. Бухарина. Бухарин, видевший в государстве лишь средство разрушения пережитков старого общественного

---

⁵³ Там же. С. 47.

⁵⁴ Революция права. М., 1928. № 1. С. 105.

⁵⁵ Там же. С. 119.

уклада и практически отрицавший его созидательную роль, считал, что уже вскоре после победы социалистической революции неизбежен процесс "крутого падения вниз кривой роста пролетарской государственности", ибо "главная задача государственной власти как таковой, задача подавления буржуазии, будет закончена".⁵⁶ Очевидно, что данные идеи были несвоевременны и вредны в условиях советского государства конца 1920-х - начала 1930-х годов. Однако, как и мысль о необходимости возвращения к революционному правосознанию как основному источнику права, утверждение о скором исчезновении государства права нашло определенную поддержку на местах. Так, в 1929 году Председатель областного суда области Коми издает Циркуляр "Об отмирании суда". На адрес НКЮ приходят письма ответственных судебных работников, ставящих вопрос о необходимости ликвидации судов. А отдельные судьи под влиянием ведущихся околонучных споров при вынесении приговоров по уголовным делам начинают ссылаться исключительно на принципы советского уголовного права, игнорируя нормы Особенной части УК РСФСР.⁵⁷

Значительное влияние на изменение ситуации в сфере правовой науки сыграли выступления И. В. Сталина, неоднократно заявлявшего в начале 1930-х годов, что целью партии и правительства на данном этапе является всяческое укрепление советской государственности. В данный период именно личная позиция Сталина (особенно на контрасте с лидерами леворадикальной оппозиции, такими, как Троцкий, Зиновьев, Раскольников) начинает воплощать в себе идеи государственности, централизма и здорового политического прагматизма. Эта позиция во многом модернизирует государственную идеологию, а вместе с ней и жизнь целого народа. "Построение социализма в одной отдельно взятой стране" вместо идеи разжигания мировой революции, централизация государственного механизма вместо ожидания скорого отмирания государства и права, укрепление патриотизма, позитивное отношение к семье и браку, а позднее - и к Церкви - вот те новые веяния, которые во многом благодаря Сталину уже к середине 1930-х годов заставят и "перманентных революционеров", и критиков революции говорить о возвращении России к старым ценностям. Что касается права, в конце 1920-х Сталин видит в нём инструмент управления общественными процессами, инструмент, объективированный в законе.

Говоря о государственных чиновниках, отрицающих созидательную роль государства, Сталин в своих выступлениях предлагает "без колебаний снимать их с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. ... Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих зазнавшихся вельмож-бюрократов и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей

---

⁵⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного времени. М., 1920. С. 156.

⁵⁷ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932. С. 42.

нашей работе".⁵⁸

По поводу возможного отмирания государства и права стоявший на позициях Сталина А. Я. Вышинский в эти годы писал: "К этому будущему мы стремимся и за него боремся, но должны помнить, что в настоящее время нельзя и говорить о возможности обходиться без этого особого аппарата для принуждения. ... Всякая болтовня в настоящее время об отмирании государства так же вредна, как болтовня об отмирании денег и переходу к "продуктообмену".⁵⁹

В качестве одного из следствий позиции Сталина в отношении всякого рода попыток реанимации правовых теорий, господствовавшей в период "военного коммунизма", следует понимать Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 года "О революционной законности"⁶⁰, созданное при непосредственном участии Вышинского. В этом документе, предписывавшем всем органам государственной власти строгое соблюдение нормативных актов, предусматривался ряд мероприятий, призванных способствовать закреплению за принципом законности приоритетных позиций. Среди них - "проведение проверок заявлений о фактах нарушения законности с наложением взысканий на виновных лиц вплоть до предания их суду", отмена всех наложенных ранее незаконных административных взысканий, устранение фактов незаконного раскулачивания, категорическое запрещение снятия или перемещения народных судей иначе как по постановлению краевых (областных) исполкомов, а районных прокуроров - иначе как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и НКЮ. В тот же день ЦК ВКП(б) принимает обращение "Ко всем краевым и областным партийным комитетам, ЦК национальных республик и всем районным партийным комитетам", в котором требует последовательно проводить в жизнь указание партии о строжайшей ответственности коммунистов за малейшую попытку нарушения законов.

Вышинский в 1932 году писал, что революционная законность "требует гибкого (что не значит произвольного) отношения к закону".⁶¹ Однако, говоря о "гибкости" закона, Вышинский в данном случае имел в виду вовсе не свободное усмотрение исполнителя (в том числе и судьи), а волю высших государственных органов, которые и должны формировать правовую политику и контролировать процесс ее реализации. Именно с этой точки зрения некоторые законы, по мнению Вышинского "могут быть отложены в сторону ... в целях экспроприации экспроприаторов", поскольку "в пролетарском государстве всякое мероприятие - и "законное", и "чрезвычайное" - имеет

---

⁵⁸ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1953. С. 593

⁵⁹ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932. С. 42

⁶⁰ СЗ СССР 1932. № 50. Ст. 298.

⁶¹ Еженедельник советской юстиции. М., 1932. № 19. С.7.

своим источником диктатуру пролетариата".⁶²

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и Сталин, и Вышинский в начале 30-х годов стояли на тех же теоретических позициях, которые были выработаны и господствовали в период нэпа, с той лишь разницей, что "нэповская законность" расценивалась как явление вынужденное и временное, а "социалистическая законность" в работах ее защитников в 30-е годы - как закономерный и необходимый этап в развитии советской государственности, как явление, установившееся "всерьез и надолго", как надёжный инструмент в руках высшего политического руководства страны для решения новых актуальных задач, для построения сильного централизованного государства.

Последним всплеском активности противников нормативизма стала разработка в НКЮ проекта нового Уголовного Кодекса, главной чертой которого была пропагандируемая Крыленко "дефетишизация" конкретных составов преступлений или, иначе говоря, отказ от Особенной части УК, которую предлагалось заменить перечнем мероприятий, «проводящихся в каждом отдельном случае". Указанный проект ввиду его кардинального несоответствия линии, проводимой партией в данный период, был отвергнут. Вышинский, выступивший с критикой его разработчиков, заявил об ошибочности концепции документа в условиях, "когда партия устами своего вождя сокрушительно бичует зазнавшихся вельмож, думающих, что законы написаны для дураков". "Нельзя допустить, - подчеркивал далее Вышинский, - чтобы каждый судья творил по своему закону".⁶³

Максимально жёсткой критике подвергает Вышинский созданные ранее в Советской России правовые теории интуитивной и социологической направленности. Обвинения в антимарксистской вредительской деятельности сыплются в 1930-е годы на оппонентов как из рога изобилия. Вот, например, что говорит Вышинский о Рейснере: "Реакционный характер правовой теории Рейснера виден из его грубо антимарксистского, антиленинского понимания советского права. ... Рейснер прямо возражает против марксистского понимания права, как права господствующего класса, доказывая, что наряду с правом господствующего класса существует и право подвластного, угнетённого класса. Рейснер противопоставляет позитивному государственному праву право этих, других классов, имеющих якобы своё *raison d'être* в классовом обществе".⁶⁴

Вышинский отмечает "тесную связь и переплетение у Рейснера буржуазно-меньшевистских концепций права с контрреволюционной троцкистской клеветой

---

⁶² Вышинский А. Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. Ч. 1. М., 1935. С. 28.

⁶³ Вышинский А. Я. Речь тов. Сталина 4 мая и задачи советской юстиции. М., 1935. С. 50

⁶⁴ Вышинский А. Я. Социалистическое строительство ... Ч. 1. М., 1935. С. 12.

насчёт "перерождения" Советского государства".⁶⁵

Особо резкую реакцию вызывает у Вышинского "представление Рейснера о советском праве как о компромиссном праве, о праве "умиротворения и примирения". 18 "Рейснеризм, - пишет он, - одна из разновидностей оппортунизма, буржуазного опошления марксизма, фрейдистско-махистского искажения марксизма".⁶⁶

Серьёзные обвинения звучат со страниц работ Вышинского и в адрес П. И. Стучки: "Стучка извратил марксистское учение о праве переходного периода, лишив это право его революционной роли и боевой сущности. ... Наше право периода новой экономической политики П. И. Стучка прямо объявляет буржуазным, утверждая, что мы попросту "произвели рецепцию, заимствование буржуазного права"⁶⁷

Вышинский критикует Стучку и за противопоставление интересов социалистического государства индивидуальным интересам частных лиц, выразившееся в концепции отраслевого разделения хозяйственного и гражданского права. "Социализм, - пишет Вышинский, - не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. ... Глубина этих извращений особенно резко бросается в глаза в наше время, когда величайшая из конституций человечества - Сталинская Конституция - отводит особо почётное место гражданским правам советских людей, когда гражданские правоотношения поднимаются на высшую ступень своего развития в условиях социалистического общества".⁶⁸

Ещё в более жестких и злых выражениях Вышинский громит теоретические взгляды своего прежнего руководителя и постоянного оппонента Крыленко: "Примером бесстыдного отношения к источникам, прямой их фальсификации и литературного жульничества могут служить пресловутые книги вредителя Крыленко, не останавливавшегося при построении своих вредительских концепций в области государственного права перед прямыми передержками и извращениями мыслей Маркса и Ленина".⁶⁹

С точки зрения Вышинского, правовая наука должна изучать то, что есть, а не то, чего нет. Пролетарскому государству, по его мнению, не нужны теоретизирования психологического или социологического толка. "Пролетариату нужен суд и закон. Пролетариату нужны уголовные кодексы, гражданские кодексы, процессуальные кодексы".⁷⁰

Отличие советского права как системы норм от права буржуазного Вышинский видит исключительно в его цели и направленности. "Впервые в истории человечества

---

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 25.

⁶⁸ Там же. С. 28.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 42.

право в СССР направлено против эксплуататоров и эксплуатации, на защиту труда и трудящихся. В этом главная суть советского права как права социалистического".⁷¹

Сформулированное Вышинским определение права звучит предельно нормативистски: "Право - совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу".⁷²

Настаивая на такой дефиниции, Вышинский тут же отмежевывается от "буржуазного нормативизма". Критикуя последний, Вышинский видит основное различие между новой советской теорией права и "нормативизмом Кельзена и Дюги" в том, что советские юристы не понимают нормы права как "нечто замкнутое в себе, объясняемое из себя", а видят в праве его классовую сущность и классовую цель.⁷³

В неукоснительном подчинении советскому законодательству Вышинский видит залог успеха социалистического строительства в СССР: "Уважение к советскому закону, беспрекословное выполнение требований социалистического закона - долг каждого советского гражданина".⁷⁴

Поразительно, насколько данное суждение гармонирует с формулой законности, активно пропагандируемой в тот же период времени в другом европейском государстве, также строившем, хотя и на абсолютно иных идеологических основах, тоталитарную систему отношений власти и общества. Густав Радбрух в 1930-е годы настойчиво проводил в жизнь идею о том, что "исполнение и несправедливого закона должно являться не только правовой, но и нравственной обязанностью, не только простым требованием силы, но и обязательной нормой", ибо "всякий закон, безотносительно к справедливости его содержания, выполняет уже самим фактом своего существования нравственную цель: кладя предел борьбе противоположных правовых воззрений, он создаёт устойчивость права в обществе".⁷⁵

Основным результатом дискуссий конца 1920-х - середины 1930-х годов стало утверждение нормативизма как господствующей теории правопонимания и утверждение принципа социалистической законности как основы правотворческой и правоприменительной деятельности в СССР, что в контексте рассматриваемого исторического периода, безусловно, можно считать шагом вперед на пути стабилизации

---

⁷¹ Там же. С. 173.

⁷² Там же. С. 84.

⁷³ Там же. С. 85.

⁷⁴ Там же. С. 174.

⁷⁵ Радбрух Г. Введение в науку права. // Антология мировой правовой мысли. В 5-и томах. Т. 3. – под ред. Г. Ю. Семигина. М., «Мысль», 1999.

общественных отношений и укрепления государственности. Сторонники интуитивного подхода к праву, так же как и приверженцы социологического понимания права, получили серьезный отпор и были вынуждены отказаться от открытой пропаганды своих идей. Некоторые из них (в том числе, Н. В. Крыленко и Е. Б. Пашуканис) были обвинены в антигосударственной деятельности и погибли в жернове массовых политических репрессий.

Советское общество, как писал Ю. Хаски, "двинулось в сторону правового формализма, при котором правовые нормы объявлялись основным гарантом существования социально-экономической системы".⁷⁶

Вместо заключения

Непосредственным поводом для написания этой статьи стала состоявшаяся некоторое время назад беседа с одним из моих коллег, бывшим работником прокуратуры, большая часть профессиональной деятельности которого пришлась на советский период. Мысль о том, что право может восприниматься не только как выраженная в законодательстве воля государственной власти, вызвала у моего собеседника бурю негативных эмоций. А предположение, что закон и может, и должен оцениваться юридическим сообществом с точки зрения его справедливости и целесообразности, было воспринято как крамола и антиобщественная пропаганда. Как мне было замечено, работа юриста должна сводиться к строгому и неукоснительному применению закона в духе принципа "dura lex sed lex", а любые рассуждения о правопонимании способны лишь дестабилизировать правовую систему.

Когда-то О. Эрлих сказал: "Меняются люди - меняется и их право". Развивая эту мысль, можно добавить: меняется общество - меняется и его понимание сущности и функций права. Достаточно ли сильно отличается современное российское общество от советского общества 1930-х годов? Ответ на этот вопрос должно дать время.

Библиографический список.

1. IV Всероссийский Съезд деятелей советской юстиции. М., 1922.
2. Антология мировой правовой мысли. В 5-и томах. Т. 3. – под ред. Г. Ю. Семигина. М., «Мысль», 1999.
3. Бухарин Н. И. Экономика переходного времени. М., 1920.
4. Вышинский А. Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. Ч. 1. М., 1935.
5. Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1932.
6. Крыленко Н. В. Пора! / Ежедневник советской юстиции. М., 1927. № 43.
7. Ленин В. И. Речь в Михайловском манеже 15 апреля 1917 г. / Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31.

---

⁷⁶ Хаски Ю. Указ. соч. С. 145.

8. Ленин В. И. Речь по вопросу о печати. / Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 35.
9. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. / Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 36.
10. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
11. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1924. // Хрестоматия по истории политических и правовых учений. (сост. Лёзов И. Л., Огнева Ю. В.) М., Изд. ВАВТ, 2012.
12. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 1907.
13. Пролетарская революция и право, 1919. №1.
14. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М-Л., 1925.
15. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 - 1952. М., 1953.
16. Соловьёв В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб.. 1897.
17. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1953.
18. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей. М., 1931.
19. СУ РСФСР, 1917, №4.
20. СУ РСФСР, 1918, №85.
21. Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993.
22. Харт Г. Понятие права. СПб, Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.